

Д. Н. Гончарко

Пространство и время вины в мысли Ф. М. Достоевского

Целью данной работы полагается выработка определенного взгляда на русскую философию XIX–XX вв. через призму особого концепта – *константы*. Общей методологией, схемой рассуждения я считаю учет поэтической интуиции автора и последующее оформление философией. То, что автор лишь предчувствует, еще предстоит найти и проявить. Задача философии и состоит в том, чтобы посмотреть на привычное непривычным взглядом, отказаться от примата «само-сабой-разумеющегося», которого вообще нет, нашими усилиями. Уже при ближайшем вглядывании предмет, он теряет ауру «не необходимости оговаривания», все требует своего оговаривания, чтобы появиться в поле нашего зрения.

Творчество Ф. М. Достоевского, как мне кажется, ставит во главу угла проблему соотношения рационального и потаенного, высказанного и умолченного. Вспомним знаменитые главы из романа «Братья Карамазовы» – «Великий инквизитор» и «Бунт». Достоевский заставляет обратить внимание на то, что не является его главной мыслью. Можно долго разбирать речь Ивана, вынося молчание Алеши за скобки, но жест, ставший событием, присутствие которого явлено через взгляд, сталкивает читателя с огромной областью неизведанного и тем самым живого. Это столкновение, которое можно только испытать, пережить, порождает вопросы, ответы на которые не спешат появиться.

Достоевский говорит об истине-поступке, а не об истине-слове. Вынесение в название не категорий, а констант налагает определенные обязательства. Нужно как-то их обосновать и указать ту область, где их можно выявить. Строгости мысли в познании, в западно-европейском смысле слова, достигнуть очень сложно, если вообще возможно, не потеряв «живого». Я говорю об интуиции или догадке. Нельзя недооценивать в познании стадии озарения, или прозрения, некоторого момента «вдруг», который не поддается рациональному осмыслению. Нравственное и этическое и есть то, что пронизывает всю область человеческого существа. Человек существует настолько,

насколько он ответственен за себя и свои дела. Этика должна оперировать константами, которые, в свою очередь, определяют все смежные с ней дисциплины. Необходимо раскрыть существование констант через бытие человека.

Когда философию называют искусством, так это в том смысле, что она не доступна никакой технике. «Здесь идут на риск иметь дело с лицом самих вещей»¹. Философии научить не возможно, ее показать невозможно. Вопрос, каким способом показать вещи, которые открываются философией, не действителен и не может получить ответа. Но тут парадокс: никаким путем я не могу избежать методологии. «Нельзя позволить себе расстаться с методом»². В свободном и независимом поступке человек получает возможность встретиться с вещью лицом к лицу. Без опыта этого свободного действия полного понимания получить невозможно. Метод ничего не дает, если нет того человека, который им воспользовался бы; метод и есть пользование, или само использование в действии. Сам человек и есть метод, путь или, точнее, путь к себе. «Человек, когда находит себя, для чего правил нет, находит одновременно путь (метод), проходящий в меру его подъема или хотя бы в меру его решимости к риску. Совершенный Человек имел право сказать о себе: “Я есмь путь, истина и жизнь”. Истина не что, а кто, конечно, не в смысле самозаконной личности, а в смысле места, где вещи могут показать свое лицо, не искаженное под углом зрения»³.

Отсюда понятно, что неверного пути нет, нужно иметь дело с первым впечатлением от вещи, которому не научить. Нужен волевой жест вступить в дело. Так вот, вступим в дело. Дискурс всегда предполагает другого, который так или иначе определяет направленность нашего слова, действия, и прежде всего действия-поступка. Дискурс, то есть калька с французского «discours», означает разговор, диалог⁴. Почему прежде всего поступок-действие? О нахождении дискурса свидетельствует не понимание, возникшее в результате общения, а факт его свершения в форме жеста или действия. То есть за место некоего «мета-нарратива» вступает в силу онтология поступка. Вина – это то, что довлеет над нами, та неминуемая перспекти-

---

¹ Бибихин В.В. Энергия. Точки / Puncta 1–2. 2005. – С. 128.

² Там же. С. 129.

³ Там же. С. 133.

⁴ διάλογος, приставка «δια-», означает «через». Нахождение контакта между двумя лицами.

ва для нас в будущем. Во взаимной смене вины-причины существует нерушимая связь. Причина носит объективный характер (причинно-следственная связь), вина – то, что мы возлагаем на себя, это наша способность посмотреть на самих себя глазами другого, то есть вина носит субъективно-объективный характер.

Вина является тем, что ограничивает действие причины, это своеобразный уход от дискурса «дурной бесконечности». Дискурс вины становится неким уходом от разговора о вечности, бесконечности в их ужасной перспективе; вина – это смягчение удара и силы причины. Поэтому возлагание на себя вины становится заманчивым. Князь Мышкин с удовольствием берет на себя все грехи окружающих, находя в этом глубокое моральное удовлетворение. Понимание ответственности за все окружающее – комфортное чувство. Все, что происходит, зависит от меня, я в силах все изменить. Князь Мышкин понимает всю ценность человеческой личности только потому, что он способен посмотреть в глаза вечности и пройти через нее, проведя с собой других, которые слепы.

Вина как сама в себе опосредованность чужда всякой абсолютности. В своем отчуждении от причины она отходит от механистичности структуры мира сущего и сказывается о мире должного. В мире, где господствуют отношения подчинения, строгой последовательности, нет места человеку как субъекту творчества, как нравственной личности, уникальность уничтожается всеобщностью. Вина – это отношение уникальное и единичное, когда причина говорит о всеобщности. Абсолютное определяется через себя и не имеет вышестоящей инстанции как своего коррелята, опосредованное характеризуется своим истоком в другом. Двойкая проекция как перспектива движения вины в другое – это представление о наказании и милосердии.

Эти понятия очень близки и едва ли не синонимичные у Достоевского, ибо отражают существо одного явления, только с разных сторон. Одна сторона – это позиция автора поступка, другая – это позиция нравственного взгляда со стороны. Никто, кроме самого человека, не может возлагать на себя моральные обязательства, следовательно, исключается возможность телесного наказания во благо человека; отсюда – рассуждение Князя Мышкина о смертной казни: страдание раскрывает человеческое в человеке, но с этим связана большая проблема: страдание, подобно «ядовитому червю», настолько может

отравить сознание, что не останется ничего живого. Единственное, что дает жизнь, это ненависть к всему миру и в конечном итоге к самому себе, который не в силах вынести других.

Эта проблема мучает героев романов Достоевского «Идиот», «Преступление и наказание», «Записки из подполья», «Братья Карамазовы». В страдании есть нечто противоречивое, и стараться избавиться от него значит подрывать основы своего существования. Всякий раз, когда страдания слишком много, возникает желание не расставаться с ним. Так как это чревато потерей своего существа, происходит подмена понятий: вместо человеческого лица всплывает «нечто» загнанное в угол. Незаслуженное страдание вызывает особое наслаждение. Выходом из состояния «загнанной в угол крысы» Достоевский считает принцип милосердия, как его сформулировал князь Мышкин: «Пройдите мимо нас и простите нам наше счастье!»¹.

Пространство и время вины.

Само разделение на пространство и время весьма условно. Можно провести аналогию с трансцендентальной философией Канта, где пространство и время являются априорными формами чувствования. Пространство является в гносеологии Канта априорным представлением, лежащим «в основе всех внешних созерцаний»². Время есть не что иное, как форма внутреннего чувства, т. е. нас самих и нашего внутреннего состояния. Пространство обращено вовне, а время вовнутрь. Вина «уже» никогда не дана непосредственно, к ней нежно прийти (из состояния *виноватый* стать *виновным*). Вина мерцающая, напоминающая о себе через образ, – это будет называться *пространством вины*. Переживание вины, опосредованное неким звеном, действием, – это будет называться *временем вины*.

Но надо держать в уме, что вина есть лишь момент к совести. Вина в онтологическом смысле опосредует отношение причинности, а в ценностном, или этическом, смысле ведет к совести. Пространство вины направлено вовне и предстает в вине образа, напоминающего концепт; время вины – ситуация переживания себя во вненаходимости действия. Пространство вины – непосредственное отношение, а время вины – отношение опосредованное. Ситуация переживания себя во вненахо-

---

¹ Достоевский Ф.М. Идиот. – Л., 1987. С. 542.

² Кант И. Критика чистого разума. – М., 1994. С. 50.

димости действия обусловлена тоской по активности и бегством от имени дела с последствиями. Объективация действия, то есть вхождение его в поле нашего зрения, обусловлено пострефлексией. Действие, именно само действие, предстает как онтологическое забытие; осознание же действия уже находится за самим действием. Между мной и действием стоит память и время, а то, что именно я противостояю действию, удостоверяет *вина*.

Пространство вины – созерцание внешнего, или ситуация переживания себя в преднаходимости действию. Может сложиться впечатление, что речь идет о некоем порядке следования: сначала одно, затем другое. Здесь же дело обстоит иначе: эти две ситуации – состояния совершенно самостоятельные, выход из одной в другую невозможен. У Достоевского пространство вины возникает, лишь когда само действие невозможно или откладывается неопределенно далеко («человек из подполья», «объяснение Ипполита»), или происходит забывание вины, стирание значения вины. Поэтому можно сказать о непосредственности пространства вины, ибо подобная вина является парадоксальной: она является «виной без вины». Единственное, чем определено отличаются эти состояния, это пребывание в вине (время) и бегство, отстранение от вины (пространство). Двойное позиционирование себя к действию, обусловленное самой природой свободы, является себя в пост- или вне-действия. Действие же – свидетельство моей воли, объективация свободы. Но свобода показывается на уровне действия еще не понятой как моя свобода, а для этого нужно авторство действия.

Вина есть авторский знак или подпись, без них нет действия и самого автора, нравственного субъекта. Действие – это пребывание в действии, актуализация. Греческое слово *εὐεργεῖα* происходит от слова *εργον* – в результате получается дословная калька с греческого: «вдельвание», находящееся в деле или «вторичествование». Чтобы «иметь дело с самой энергией», ее необязательно определять. Чтобы обращаться с вещью самой, а не с ее следом или тенью. Один из таких способов не упускать вещь – это держаться «первого впечатления, «первого приближения», раннего взгляда, когда мы взглянули на вещь, и она на нас. Это первичное устремление вещи к нам и нас к вещам «не наше и не в нас, а *нам*».

Для свободы, чтобы она стала свободой, нужно не что-то внешнее, а поступок. Дотошность и постоянная осмотритель-

ность: как на нас посмотрят, что о нас скажут, – отворачивает от самого поступка, дела, составляет условие, единственно в котором невозможно философствование. Только душевный подъем способствует настроению действия. Мысли в этом настроении свойственно самозабвенное и вместе с тем зоркое, как в увлеченном ребенке, внимание и все обнимающее, все принимающее дружелюбие. Энергия всегда раньше нас самих. Так что сам вопрос уже обусловлен самой энергией. Аристотель в начале «Никомаховой этики» пишет, что все стремится к благу, благо предстает как цель, но в целях он находит различие: одни цели – это деятельность (*ενεργεια*), другие – определенные отдельные от нее результаты (*εργα*), то есть дела. Если перевести это на другой язык, то получится энергия-цель и энергия-средство. В 6 главе IX книги Аристотель пишет: мы разграничим, что есть энергия. И далее, в русском переводе: «действительность – это существование вещи не в том смысле, в каком мы говорим о сущем в возможности, а в смысле осуществления». Дословно же это звучит так: «Энергия есть то, что пребывает в энергии». Получается вполне тавтологическое определение. Можно предположить, что энергия – та предельная вещь, которая не терпит определения, но собой определяет все.

Аристотель приводит множество примеров, так и не дав точного определения, и завершает главу словами: «что и какого свойства есть энергия, из этих [примеров] и такого [рассуждения] пусть будет нам понятно» (перевод мой. – Д.Г.). В этом переводе я хотел бы указать на одно любопытное место, а именно: глагол *ειναι* (быть), который стоит в форме императива *εστω*. Определение *энергии* не прибавляет понимания. Энергию можно чувствовать из опыта полноты. «Пример с мышлением, которое самоцель и тем самым энергия, обращен к нам как вызов»¹. Аристотель своим примером спрашивает, способны ли мы на мысль, которой себя довольно и которая счастлива собой.

Энергия не может быть понятийно схвачена, она сама через нас к себе устремляется. *Ясность*, о которой говорит Аристотель не акцидентальная, она не пристегивается к субъекту, а субстанциальная: сам акт внутреннего напряжения есть понимание. В меру нашего раскрытия энергия открывает себя нам. Подобная мысль Аристотеля является провокацией, провокацией к действию. Энергию нужно отличать от силы как спо-

---

¹ Бибихин В.В. Энергия. Точки / Puncta 1–2. 2005. С. 142.

способности (*δυνάμις*), хотя Аристотель говорит, что сначала способность строить, а затем само строительство. Энергия всегда включает полноту, которой нет у силы, которая всегда направлена. Очевидно, что деятельность первее и способности, и всякого начала изменения¹. Энергия противоположна силе, но то же самое, что завершенность, законченность, энтелехейя (что значит быть в состоянии завершенного, законченного, пришедшего к своей цели, достигшего своей полноты).

Можно сказать тавтологию: в энтелехейи энергия достигает полноты своего бытия. Энтелехейя стоит в конце перспективы, на которую указывает *δυνάμις*. Что является свидетельством подобной целостности и полноты, ведь самих их нам не встретить в связи с ограниченным опытом? Мы встречаемся только с намеками на эту целостность, без нашего присутствия говорить о ней нельзя. Однако не мы же ее устанавливаем. «Она неким образом взвешивается в нас»². Но тут важен именно внешний фактор. Возьмем в пример Канта: для него, чтобы возможное стало действительным, нужна материя, критерий действительного – познаваемость. У Аристотеля критерием действительности (энергии) является удостоверение ее поступком. Гегель говорит о действительности самой мысли (понятие-схватывание: *conseptus objectivus entis*). Таким образом, различие между Кантом и Гегелем – «в перераспределении поля молчания»; «Гегель выступает со своим словом в области, по которой Кант проходит не говоря ни слова, считая безмолвие тут необходимым. Соответственно близость к Аристотелю у Канта тайная, у Гегеля на виду»³.

Но вернемся к действию-поступанию. Любое действие характеризуется своим присутствием в пространстве и времени, но особым присутствием, не метрическим, а топическим, то есть не подверженным непосредственному измерению, а замыкающемся в точке, где пространство и время непротяженно и недлительно. Вина – это декомпрессия поступка-действия. Действие, охарактеризованное изначально, в себе, пространственно-временными параметрами, на стадии вины получает свое дальнейшее развитие. Особое растяжение пространства – пространство вины, особое продление времени. Эти две перспективы оканчиваются на себе, замыкаются в себе.

---

¹ Аристотель. Метафизика. 1051а 2–3.

² Бибихин В.В. Энергия. Точки. С. 150.

³ Там же. С. 162.

Достоевский предлагает другой путь, путь, который не предполагает разделения, а единственно верный и истинный, – действие, которое само бесконечно, – акт-жест прощения. А чтобы истинно прийти к цели, нужно изначально ее держать в себе, в ее чистоте. Почему человек не довольствуется непосредственным творчеством или действием? Здесь раскрывается фундаментальная расколотость человеческого существа. Нельзя безнаказанно творить в мире, сотворенном Богом: это человеку недоступно. Выражаясь словами Ж.-П. Сартра, человеку доступен не способ бытия в себе, а только способ бытия для себя (это и есть человеческая реальность), для которого в себе становится ценностью в связи с ее недостижимостью. Человек стремится быть основанием самого себя, необходимо сущим, но в непосредственном действии всегда скрыт момент «вдруг» (εξαφνης – вдруг, внезапно), несущий в себе случайность.

Бытие – это случай, что со мной случается. Человек, будучи основанием себя, предстает как тот, кто, напротив, этот случай сам случает. В христианской мысли только добро необходимо, зло же случайно; следовательно, человек зло случает в мире. Свобода сама-по-себе – это зло. Но свобода с виной или свобода, интенцированная виной, является доброй. Если попробовать привести структуру действий у Достоевского, то получается следующая картина: изначально мы имеем дело с непосредственным действием, или присутствием, нахождением; затем – двоякая перспектива: рефлексивная и внерефлексивная, находящаяся за ее пределами; первая, в свою очередь, делится по способу «забывания» или «переживания» на пространство вины или время вины, соответственно, вторая – является истиной поступка или действия, «жестом прощения» (форма этого поступка выражена в словах князя Мышкина: «...пройдите мимо нас и простите нам наше счастье!»).